

Реанимационный автомобиль с надписью «Скорая помощь» замер у дверей Центрального госпиталя Планеты Лиры. Медицинская капсула плавно, без малейшего толчка, скользнула по направляющим прямиком в реанимационный зал. Десятки прозрачных трубок, точно паутина, тянулись к бледному телу пациента, и по ним, словно плотный поток машин в вечерний час пик, торопливо бежала кровь.

Вымывая отравленное, вливая чистое.

Показатели на мониторах скакали вверх-вниз, не задерживаясь в безопасной зоне даже на секунду. Экран то и дело вспыхивал красным, прерывисто пищали датчики — над палатой неотложной помощи нависла тень полиорганной недостаточности.

Члены семьи Мэнсон сидели в комнате отдыха прямо за дверью реанимации. Их хмурые, напряженные лица создавали вокруг тяжелую, давящую атмосферу.

На фоне суетящихся, взволнованных врачей и медсестер человек в капсуле казался на удивление безмятежным. Он лежал тихо и неподвижно, будто совершенно не подозревал о смертельной опасности.

Джордж Мэнсон действительно ничего не знал о своей близости к смерти. Он шёл по длинному, абсолютно чёрному туннелю, в глубине которого брезжил слепящий свет, маня его вперёд.

Но туннель изобиловал ловушками.

Время от времени он проваливался в воспоминания, словно перед самым концом ему было суждено заново пережить всю свою жизнь — от младенчества до зрелых лет.

На этот раз он увидел себя ребёнком.

Лет пяти или семи, не больше.

Это был семейный приём. В те годы Мэнсоны каждую зиму или лето устраивали многодневные загородные встречи для деловых партнёров. Состав гостей частично оставался прежним, но многие лица менялись: те, кто блистал в этом году, на следующий могли бесследно исчезнуть.

В ясные дни взрослые развлекались на свежем воздухе, но в тот раз погода, судя по всему, выдалась ненастной, и все собрались в доме на чаепитие.

Маленькому Джорджу, разумеется, не полагалось присутствовать на взрослом чаепитии, в отличие от его старших братьев.

В конце концов, разница со старшим братом у него составляла тридцать лет, и тот уже давно занимался делами корпорации. Зато самого Джорджа, как младшего, родители баловали сильнее остальных.

В детстве он порой пытался казаться прилежным. Вот и тогда он честно уселся в кабинете с книгой, делая вид, будто учится. Однако детские голоса, доносившиеся из сада, быстро свели все благие намерения на нет. Не выдержав и пары минут, мальчик кубарем скатился по лестнице и выбежал на задний двор.

Там уже вовсю резвились его приятели: Джо, Гленн, Чжао Цзэму. Их семьи принадлежали к ближнему кругу Мэнсонов и приезжали каждый год. Семья Джо владела огромным состоянием и имела прочные корни, дела Гленна быстро шли в гору, а Чжао, хоть и были новичками в этом кругу, мертвой хваткой вцепились в Мэнсонов, зарекомендовав себя верными союзниками.

Впрочем, дети обо всем этом не думали. Для них имело значение лишь то, насколько они дружны. Джо и Чжао Цзэму были отличными ребятами, а с глуповатым Гленном Джордж постоянно дрался, но они быстро мирились и забывали обиды.

Заводилой в тот день, как обычно, выступил этот придурок Гленн. Он подбил Джорджа залезть на дерево за спелым павлиньим фруктом на самой макушке. А пока тот карабкался, Гленн вытащил откуда-то змею и с помощью палки с крючком пустил её вверх по стволу.

Джордж едва успел дотянуться до плода, как снизу раздался испуганный визг. От неожиданности он потерял равновесие и полетел вниз.

К счастью, дерево было невысоким, а земля внизу — влажной и мягкой от дождей. К тому же Джо успел его подхватить, и они оба покатались по траве. Вспыльчивый и шепутной Джо тут же вскочил, засучил рукава и набросился на Гленна с кулаками. Чжао Цзэму, который был на два года старше и заметно рассудительнее, спокойно перехватил змею за голову, оттащил её к каменной ограде сада, пришиб булыжником и закопал в землю.

Страхнув с ладони змеиную кровь, он обернулся к Джорджу Мэнсону:

— Ну вот и всё. Нет больше змей.

Змейка была совсем крошечной и недовитой, но поступок Чжао Цзэму произвёл на маленького Джорджа неизгладимое впечатление. А повернувшись, он не на шутку расчувствовался, глядя на разбитый в кровь нос защищавшего его Джо, и от души добавил тумаков Гленну, у которого из носа хлестало точно так же.

В конце концов всю эту чумазую и окровавленную ораву перехватили двое проходивших мимо взрослых. Они умыли мальчишек и со всей серьезностью помирили драчунов.

То была невероятно красивая чета средних лет — утончённые, интеллигентные, они

совершенно не походили на типичных дельцов.

И всё же в те годы они были желанными гостями в доме Мэнсонов. Ходили слухи об их баснословном богатстве — поговаривали, что по влиянию они вот-вот затмят семейство Гленна, но из-за своей мягкости и сдержанности супруги держались в тени.

Будучи ребёнком, Джордж мало что понимал в чужих миллионах; куда сильнее ему запомнились их улыбки.

Прошли десятилетия, их лица в его воспоминаниях давно стёрлись, но он до сих пор помнил, как красиво щурилась та женщина, когда улыбалась. Крошечная родинка у внешнего уголка её глаза придавала лицу мягкое, неподвластное годам очарование.

К сожалению, больше он их на семейных приемах не видел.

Возможно, они просто не любили светские рауты, а может, их звезда закатилась так же стремительно, как и возшла.

Он не знал, почему память услужливо воскресила эти погребенные под пластами времени сцены, но, если задуматься, вся его жизнь состояла из череды мелких, щемящих сожалений.

Например, тот человек с тонкими белыми пальцами, что вытащил его из тёмной пучины...

Или те супруги с добрыми глазами и тёплыми улыбками...

Он ведь так и не узнал, как их звали.

Пип —

Отказ почек —

Электронный зуммер монитора вновь забился в истерике.

Медсестры засуетились, лица реаниматологов потемнели от напряжения.

— Попробуем ещё раз.

— Быстрее!

Последние несколько дней в «Южном Кресте» царила на редкость зловещая атмосфера. Виноваты в этом были Янь Суйчжи и Гу Янь, а поводом послужила пресловутая «первичная аттестация стажёров».

Ещё когда Гу Янь увозил Янь Суйчжи на остров Яба, мисс Фитц и остальные предупреждали, что даты аттестации уже утверждены. Если Янь Суйчжи уедет, то неминуемо всё пропустит: расписание экзаменов подстраивали главным образом под занятость ведущих адвокатов, а не под самих стажёров.

В общем, Янь Суйчжи её благополучно пропустил.

И теперь главным камнем преткновения стал вопрос: должен ли он сдавать экзамен задним числом.

За проведение аттестации отвечал Хоббс — наставник Лока. Поговаривали, что из-за соперничества за звание «Адвоката высшего класса» этот старик постоянно искал повод уколоть Гу Яня. Будь на месте Янь Суйчжи стажёр любого другого юриста, Хоббс наверняка закрыл бы глаза на прогул, но упустить шанс докопаться до подопечного Гу Яня он просто не мог.

— Мы могли бы пойти навстречу, поднять связи и составить для вас небольшое, но весьма показательное дело, дабы вы могли продемонстрировать свои навыки, — с каменным выражением лица вещал Хоббс. В отличие от ледяного равнодушия Гу Яня, от него веяло сухой, дотошной въедливостью человека, с которым чертовски трудно иметь дело.

Рядом топтались Лок, Филида и Анна. Хоббс сверлил взглядом исключительно Янь Суйчжи, но остальные стажёры — особенно Лок — от этого тона боялись даже вздохнуть.

Один лишь Янь Суйчжи чувствовал себя совершенно непринуждённо. Мысленно посмеиваясь над выражением «показательное дело» (какая пошлость применительно к юриспруденции), он вежливо отозвался:

— Что вы, не стоит тратить время и ресурсы ради меня одного. Я глубоко тронут, но не смею вас утруждать.

— Пустяки, иначе это будет несправедливо по отношению к вам, — возразил Хоббс. — Хоть это и проверка, её главная цель — дать вам бесценный опыт. В конце концов, именно ради таких возможностей вы и пришли в «Южный Крест».

На самом деле, когда вопрос пропуска только поднялся, мисс Фитц предусмотрительно разослала аттестационной комиссии запись того самого судебного заседания по освобождению под залог в Городе Вина. Стажёры тоже успели её посмотреть.

После просмотра Лок и остальные ещё долго не могли закрыть рты от изумления.

Те из старших партнёров, кто изначально собирался завалить прогульщика, мысленно дали себе пощёчину. Поражённые до глубины души, они без лишних слов выставили оценки прямо в бланке Янь Суйчжи.

Разумеется, устав бюро сурово гласил: при пропуске аттестации по уважительной причине максимальный балл не может превышать шестидесяти — то есть ровно порог прохождения. Так вот, эти строгие юристы не урезали ему ни единой доли процента, дружно влепив максимально возможные шестьдесят баллов.

Все, кроме Хоббса.

Этот занудный старик словно ослеп. Посмотрев запись, он лишь пренебрежительно хмыкнул.

— Подумаешь, освобождение под залог — пустяковый досудебный этап! — ворчал он. — С каких пор умение подать ходатайство делает кого-то великим адвокатом? Там даже перекрёстного допроса не было, разве это заседание?

Словом, он упорно твердил, что стажёр лишился важнейшей практики.

— Но раз уж вы так упорно отказываетесь от пересдачи... — вкрадчиво протянул Хоббс.

Стало ясно, что весь этот цирк со вторым шансом устраивался исключительно ради последующего «но».

— В таком случае я с глубоким сожалением констатирую, что моя профессиональная этика не позволяет поставить вам высокую оценку.

С этими словами Хоббс сокрушенно покачал головой и размашисто вывел жирный ноль в графе «Оценка председателя комиссии».

Все стажёры лишились дара речи.

Лок и остальные с тоской уставились на Янь Суйчжи. В переговорной повисла такая гробовая тишина, будто они стояли у свежей могилы своего товарища.

Заметив, что Янь Суйчжи и бровью не повёл, Филида решила, что тот просто не осознает всей глубины катастрофы. Она наклонилась к нему и зашептала:

— Балл председателя имеет решающий вес. Перебить его может только твой собственный наставник. Но ведь твой куратор — адвокат Гу! А он, сколько я себя помню, никому в жизни

выше семидесяти не ставил, особенно своим. С твоим нулем от Хоббса тебя спасет только чудо. Гу Янь должен впервые в жизни расщедриться на девяносто баллов, иначе ты труп.

Пользуясь тем, что Хоббс отвернулся, Лок и Анна отчаянно закивали, подтверждая её слова с самым похоронным видом.

— У тебя два пути, — продолжала инструктировать Филида. — Либо ты извиняешься перед этим стариканом и вымаливаешь пересдачу, либо идёшь штурмовать адвоката Гу. Хотя... первый вариант всё же попроще. Второй — это чистый ад. Там без двух литров приворотного зелья делать нечего.

— Ну, моему наставнику тоже литра полтора понадобилось бы, — со вздохом вставил Лок.

Все лишь молча посочувствовали.

Хоббс тем временем отошёл к кофейному автомату в стеклянной нише, налил себе полчашки и, вернувшись, опёрся о край стола. Сделав неторопливый глоток, он снисходительно поинтересовался у Янь Суйчжи:

— Имеете что-нибудь возразить против моей оценки? На мой взгляд, она более чем объективна.

«Старый хрыч, у меня сейчас крышка на коробке с медалью первоклассного адвоката сама собой откинется»

Янь Суйчжи вежливо улыбнулся и уже собирался ответить, но Хоббсу явно хотелось уязвить его посильнее, поэтому он добавил:

— Если вы бегаєте от проверок и пренебрегаете практикой сейчас, то кто в будущем гарантирует, что вы не опозоритесь в первом же настоящем процессе?

— Я.

Низкий, приятный голос раздался у дверей переговорной, мгновенно срезав победный тон Хоббса.

Стажёры дружно повернули головы и обомлели: на пороге стоял тот самый «адский» адвокат Гу. С самым бесстрастным лицом он обратился к Хоббсу:

— Его итоговый балл за аттестацию я только что внёс в систему. С учётом оценок всех партнёров, включая вашу и мою, среднее арифметическое составило шестьдесят восемь. Достаточно для зачёта.

Филида тихо ахнула:

— Боже мой, шестьдесят восемь? Сколько же нужно было поставить, чтобы вытянуть средний балл при нуле от Хоббса?

Лок обречённо потер лицо:

— И не считай. Ровно сто.

Присутствующие онемели.

Янь Суйчжи удивлённо приподнял брови.

«Мой дорогой студент сегодня явно принял не те таблетки. Наш мятный дух внезапно превратился в сладкую конфету?»

Лицо Хоббса пошло пятнами. Он прекрасно знал суровый нрав Гу Яня и был уверен, что тот не станет марать руки ради пустяковой стажировки. Старик планировал сбить спесь с выскочки, загнать его на уединённую пересдачу с каким-нибудь пустяковым дельцем, где развернуться негде, а потом со всеми законными основаниями вклеить ему грошовую оценку, бросив тень и на его наставника.

Такого сокрушительного провала Хоббс никак не ожидал.

— У моего стажёра много работы, я его забираю, — сухо бросил Гу Янь и слегка кивнул Янь Суйчжи, призывая того следовать за ним.

Только что продемонстрировав образцовую защиту своего подопечного, Гу Янь сохранял такую непроницаемую мину, будто те спасительные сто баллов выставил кто-то другой.

Остальные стажёры так и остались сидеть с разинутыми ртами, не в силах переварить случившееся.

Янь Суйчжи одарил побагровевшего Хоббса вежливым кивком и преспокойно покинул переговорную, направившись вслед за Гу Янем в его кабинет.

Он полагал, что «срочные дела» — лишь удобный предлог, чтобы вытащить его из душной комнаты, однако, стоило им переступить порог кабинета, Гу Янь действительно протянул ему документы.

— Что это? — удивился Янь Суйчжи.

— Поручение, — кратко ответил Гу Янь.

Ответ лишь добавил вопросов. Подобные бумаги обычно адресовались адвокатам его уровня, но никак не стажёрам. Заинтригованный, Янь Суйчжи опустил взгляд и пробежался глазами по строчкам.

Это действительно было официальное поручение от Службы юридической помощи — организации, назначающей защитников неимущим или оставшимся без поддержки подозреваемым.

В своё время именно через них к Гу Яню попало дело Джошуа Даллера. Что же касается этого поручения...

Янь Суйчжи скользнул взглядом по графе «Адвокат» и замер. Там значилось вовсе не имя Гу Яня.

Там было написано: *Жуань Е*.

«Они там часом ничего не перепутали?»

А имя подзащитного показалось Янь Суйчжи до боли знакомым.

Чэнь Чжан.

<http://bllate.org/book/18278/1751072>